

Научная статья
УДК 82-65: 821.161 (091)
doi: 10.17223/15617793/483/7

«Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение»)

Татьяна Борисовна Фрик¹

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия, tfrik@tpu.ru*

Аннотация. В рамках решения исследовательской проблемы установления и максимально полного описания круга общения Н.М. Карамзина обосновывается актуальность создания словаря-справочника «Н.М. Карамзин и его окружение», описаны принципы подготовки и оформления словарных статей. Представлены материалы для справочной статьи о В.А. Жуковском, включающие систематизированные документальные свидетельства контактов поэта и Н.М. Карамзина, анализ истории и характера их взаимоотношений. Сделаны выводы о роли, которую сыграли Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский в жизни друг друга, о степени близости их мировоззрения и поведенческих стратегий.

Ключевые слова: окружение Н.М. Карамзина, В.А. Жуковский, словарь-справочник, взаимоотношения

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н.М. Карамзин и его окружение».

Благодарности: исследование выполнено в Томском политехническом университете в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета.

Для цитирования: Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 72–80. doi: 10.17223/15617793/483/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/7

“Zhukovsky is our true brother”: Nikolay M. Karamzin and Vasily A. Zhukovsky (on the problem of Karamzin and his circle)

Tatyana B. Frik¹

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, tfrik@tpu.ru*

Abstract. The work is aimed at solving a topical research problem of establishing and maximally describing Karamzin’s circle. The article examines the relationship of the historiographer with Vasily A. Zhukovsky. To prepare an entry about Vasily A. Zhukovsky for the *Nikolay M. Karamzin and His Circle* reference dictionary, the author identified and systematized the available documentary evidence concerning the contacts of the poet and the historiographer. Based on a large number of sources, the author traces the history of their communication from the moment of acquaintance in 1800 to their last meeting in May 1826. She also considers facts reflecting Zhukovsky’s actions aimed at preserving the memory of Karamzin. The author notes the friendly nature of their relationship, highlights its significance for both Zhukovsky and Karamzin, and concludes that they both had a great influence on each other’s life and work. The facts confirming the closeness of Karamzin’s and Zhukovsky’s worldviews and behavioral strategies are considered separately. The historiographer and the poet had similar attitudes to life. Karamzin was significant in Zhukovsky’s behavioral discourse throughout his life: the poet regularly refers to Karamzin’s philosophemes when formulating maxims of his own life philosophy. Examples of Zhukovsky’s and Karamzin’s similar behavioral strategies are their statements regarding participation in the polemic, testimonies by their contemporaries. The author also emphasizes the historical and ideological role of the historiographer and the poet as courtiers, and mentions the continuity between the behavioral text of the monarch and the citizen formed by Karamzin and the imperial text of Zhukovsky. Based on the surviving letters of Karamzin to Zhukovsky, as well as the epistolary works of their closest friends, the author reconstructs the images of the poet and the historiographer in their perception of each other. Karamzin saw Zhukovsky as a truly close person, and Zhukovsky perceived the historiographer as a father and a friend, an evangelist and a mentor. In conclusion, the author notes that the poet played a significant role in the formation of the Karamzin myth. The poet sacralized the historiographer, which was based on both Zhukovsky’s sincere love for Karamzin and the idea of the historical and cultural significance of a person like Karamzin. Idealizing the

historiographer, Zhukovsky constructed his image under his own pedagogical and educational program, bringing to the fore ethical personal qualities that were particularly significant for him.

Keywords: Nikolay Karamzin's circle, Vasily Zhukovsky, reference dictionary, relationship

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00292A.

Acknowledgements: The study was carried out at Tomsk Polytechnic University within the framework of the Competitiveness Improvement Program of Tomsk Polytechnic University.

For citation: Frik, T.B. (2022) "Zhukovsky is our true brother": Nikolay M. Karamzin and Vasily A. Zhukovsky (on the problem of Karamzin and his circle). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 72–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/7

Исследования, проводимые в настоящее время в рамках научного проекта «Н.М. Карамзин и его окружение», направлены на изучение круга общения Н.М. Карамзина в разные периоды его жизни. Их целью являются воссоздание на основе документальных данных реальной картины общественных, бытовых и литературных связей писателя и подготовка материалов для словаря-справочника, который должны составить статьи о знакомых Карамзина и характере его взаимоотношений с ними. Планируется впервые представить по возможности полный словарь знакомств писателя в максимальном хронологическом и географическом диапазоне.

Изучение круга общения такой значимой для историко-литературного процесса фигуры, как Карамзин, безусловно, актуально, поскольку понимание контекста, в котором жил и работал писатель, определяет, с одной стороны, вектор восприятия его наследия, с другой – позволяет полнее охарактеризовать эпоху в целом, расширить представление о каждом из знакомых Карамзина в свете их контактов с ним. Словарь-справочник «Н.М. Карамзин и его окружение» рассматривается как инструмент для составления летописи жизни и творчества писателя, а также для научного комментирования его сочинений. Основным при такой постановке проблемы является биографический аспект: в центре внимания оказываются данные об истории, хронологии и сути взаимоотношений конкретного лица с Карамзиным, рассматриваются прежде всего биографические связи писателя с данным лицом, что не исключает обращение к историко-литературным источникам, особенно при изучении взаимоотношений Карамзина с литераторами, однако исследование литературных связей в рамках словарных статей не предполагается.

В словаре-справочнике планируется размещение статей в алфавитном порядке, включение сведений о смене фамилии, профессиях, чинах и должностях. Их содержание заключается в освещении характера общения Карамзина и описываемого лица, приведении их взаимных оценок. Изложение выстраивается по хронологическому принципу, рассматривается эволюция отношений, при этом акцент сделан на факты, касающиеся Карамзина и его близких. В статье будут включены ссылки на источники сообщаемых фактов, после каждой справочной статьи будет дан библиографический перечень.

Данная работа посвящена рассмотрению личных взаимоотношений Н.М. Карамзина и В.А. Жуковско-

го. Традиционно исследователи обращаются к изучению творческих и идеологических связей двух литераторов в рамках историко-литературной проблемы «Жуковский и Карамзин», при этом биографические пересечения писателя и поэта также затрагиваются, но, как правило, настолько, насколько это необходимо для характеристики связей творческих [1–4 и др.], однако с целью подготовки статьи о В.А. Жуковском для словаря-справочника «Н.М. Карамзин и его окружение» необходимо систематизировать и проанализировать разрозненные сведения о контактах Карамзина с поэтом и характере их взаимоотношений, значимости данных отношений для обоих с привлечением на сегодняшний день доступных для исследования документальных источников. Представленные в работе материалы лягут в основу словарной статьи в описанном выше справочнике.

Как известно, В.А. Жуковский и Н.М. Карамзин приходились друг другу дальними родственниками по первой жене Н.М. Карамзина Е.И. Протасовой. Исследователи допускают, что они могли встречаться еще в 1790-х гг. в Знаменском у Плещеевых, где много времени проводил Н.М. Карамзин: сводная сестра Жуковского Е.А. Протасова (в девичестве Бунина) могла возить его туда в гости [5. С. 132]. Документально знакомство с Карамзиным Жуковский подтверждает в своем дневнике записью от декабря 1800 г.: «С Карамзиным» [6. С. 33]. П.А. Плетнев в своих воспоминаниях утверждает, что встреча, положившая начало долгих отношений литераторов, произошла в доме И.П. Тургенева [7. С. 382]. Сближение Жуковского с Карамзиным продолжается после женитьбы последнего в апреле 1801 г. на Е.И. Протасовой, в этом же году Жуковский знакомит Карамзина с первой редакцией своего перевода «Сельского кладбища». Летом 1802 г. поэт часто бывает у И.И. Дмитриева, где, по всей вероятности, встречается и с Карамзиным [8. С. 54, 56]. В декабре 1802 г. в «Вестнике Европы» была опубликована элегия «Сельское кладбище» с подписью «Жуковский», ее появление в печати сыграло очень важную роль в дальнейшем творческом пути поэта. К.К. Зейдлиц пишет по этому поводу в своих воспоминаниях следующее: «Этот верховный судья на Парнасе (Карамзин. – Т.Ф.) похвалил стихотворение и напечатал его в VI книге своего журнала с полным означением имени Жуковского, переменяв окончание *ой* на *ий*; с тех пор и сам Жуковской стал подписываться Жуковский» [7. С. 40].

«Святое имя: Карамзин» [9. С. 287] и в дальнейшем оказывало огромное влияние на жизнь и творчество поэта.

По-настоящему близкими отношения Карамзина и Жуковского становятся весной 1803 г., когда потерявший первую жену Карамзин приглашает поэта в подмосковное имение Свирлово, о чем последний сообщает Е.А. Протасовой: «Вообразите, какое блаженство, и порадайтесь вместе со мною. Его знакомство для меня – счастье» [10. С. 14]. Желание Карамзина общаться именно с Жуковским в такое сложное для него время исследователи объясняют тем, что молодой родственник любимой жены как никто другой мог помочь Карамзину в переживании его утраты. Таким образом, семейство Протасовых стало важнейшим объединяющим фактором, повлиявшим на близость взаимоотношений литераторов: «Отношения с Протасовыми не только содействовали глубокой дружбе двух писателей, но и проявили общность их человеческих качеств и “тождественность” их чувств» [5. С. 134].

В дальнейшей жизни Карамзина, его семейства и Жуковского оказались неразрывно связаны. Поэт входил в ближний дружеский круг общения писателя, они совместно переживали знаковые для обоих события частной, профессиональной и общественной жизни. Хроника их встреч, общения через общих друзей, упоминаний друг друга в письмах потребует не одного десятка страниц. С Карамзиным связаны важные для Жуковского публикации его произведений в «Вестнике Европы», а позднее и издание этого журнала [7. С. 122]. Летом 1804 г. поэт гостит в Свирлово, где Карамзин работает над своей «Историей» [11. Ч. 1. С. 389]. При любой возможности поэт навещает историографа и его семейство. В феврале–марте 1810 г. они встречаются в Москве за дружескими обедами у А.И. Тургенева и у Карамзиных [10. С. 83], в июле этого же года Жуковский живет у Карамзина в Остафьеве [10. С. 87]. Будучи зачисленным в Московское ополчение в августе 1812 г. поэт проводит десять дней вместе с Вяземским у Карамзина в Москве [10. С. 709], откуда последний, по его собственным словам, благословляет Жуковского на брань [12. С. 165]. Известна роль Жуковского в организации и деятельности «Арзамаса», который во многом собирается вокруг и под знаменем Карамзина. Именно Жуковский читает знаменитую речь «при вручении диплома господину Историографу» [13. С. 349], он активно участвует в возникшей вокруг Карамзина полемике [1. С. 208–209].

Дружеское общение писателя и поэта было неотделимо от их творческого взаимодействия. Еще в годы детства и отрочества Жуковский познакомился с ключевыми произведениями Карамзина, жанрово-стилистическая система которого оказала серьезное влияние на его раннее творчество [1. С. 191–195]. В дальнейшем произведения Жуковского проходят оценку Карамзина, который часто делает, по словам П.А. Вяземского, «некоторые замечания справедливые» [10. С. 306; 14; 15; 16. Стлб. 1834–1835 и др.]. Жуковский прислушивается к суждениям Карамзина, но далеко не во всем с ним соглашается [1. С. 210–

211]. В последний период творчества расхождения Жуковского и Карамзина становятся более заметными, карамзинские идеи, темы и образы переосмысливаются поэтом, вытесняются из его художественной системы, но в вопросе о сущности и задачах поэтического искусства, значимости его этической основы и в понимании нравственного долга поэта они остаются близки [1. С. 207]. Жуковский высоко оценивает «Историю государства Российского», она служит для него источником материала и вдохновения [1. С. 211; 10. С. 314]. Мнением Жуковского Карамзин также дорожит, обращается к нему с просьбой об оценке своего труда: «Не худо, если б Вы сказали мне, что Вам именно полюбили и не полюбили в моей истории» [16. Стлб. 1831]. В конспекте по истории русской литературы Жуковский дал высокую характеристику творчества Карамзина, который, по его мнению, «открыл тайну слова в прямом значении – ясности, изящества и точности» [1. С. 214].

Карамзин и Жуковский были опорой друг друга в непростые периоды жизни. Поэт рядом с историографом в период его петербургской пятидесятницы в 1816 г., он навещает его, присутствует на чтениях фрагментов «Истории» [17. С. 165, 167]. Вернувшись из Петербурга в Москву, благодарный друзьям, Карамзин написал А.И. Тургеневу 13 апреля 1816 г.: «Жуковский есть истинный наш брат. С такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствует Арзамас!» [20. С. 473]. Он поддерживает Жуковского, переживающего драматическую развязку своей любви к М.А. Протасовой, ободряя его, как через ближайших обоим родственников, так и в личных письмах. В письме к Е.А. Протасовой от 6 декабря 1816 г. Н.М. Карамзин, поздравляя адресата с предстоящей свадьбой дочери, пишет: «Доброго, и весьма доброго Жуковского прижимаю к сердцу и надеюсь скоро увидеть его» [18. С. 143]. 18 февраля 1817 г. он обращается уже к самому Жуковскому: «Сердцу бывает легко в таких случаях, и горизонт будущего светлеет в глазах, омоченных слезами великодушной жертвы. Обнимаю моего друга Жуковского!» [19. Стлб. 1385].

Карамзину Жуковский обязан своим назначением на должность учителя великой княгини Александры Федоровны, о чем с гордостью пишет сам Карамзин в письме к П.А. Вяземскому: «И Жуковский с местом, и не по милости Глинки¹ <...> Я представил, что ему 34 года, и описал его благородный характер» [21. С. 33]. П.А. Вяземский так комментирует этот факт: «Призваньем своим на новую дорогу Жуковский обязан был первоначально себе, то есть личным своим нравственным заслугам, дружбе и уважению к нему Карамзина и полному доверию царского семейства к Карамзину» [7. С. 212–213]. Сам Жуковский о роли Карамзина, не только в получении этого места, но и в целом в своей судьбе пишет И.И. Дмитриеву в сентябре 1817 г. следующее: «Еще одно особое счастье: я всем обязан ревностной дружбе Карамзина. Чтобы доставить мне это место, надобно было Карамзину сказать вслух, что он любит меня и уважает. Радость наполняет сердце всякой раз, когда об этом подумаю» [10. С. 547].

Жуковский и Карамзин вместе проводят время в Царском селе в 1818 г. [12. С. 243–244], поэт с друзьями-арзамасцами частый гость у Карамзиных [22. Т. I. С. 119–120], как и летом 1819 г. [6. С. 130–131]. Светская молва приписывала Жуковскому сватовство к С.Н. Карамзиной, старшей дочери писателя от первого брака. Интересно в этом отношении письмо А.П. Елагиной к Жуковскому от марта 1819 г., которая рассуждая об услышанной радостной для нее новости, говорит о духовной близости поэта и Карамзина: «С тех пор, как я услышала о вашей женитьбе, я вижу вас беспрестанно во сне и наяву, и сердце ежеминутно волнуется. – По рассудку я нахожу, что это бесподобно делается! Быть зятем *Карамзина*, делить с ним занятия, обоим вам свойственное, драгоценное, обоим главное в жизни, сойтись на одной дороге, к одной цели, и кроме Карамзина автора и славного человека, который и в этом отношении вам близкая родня, быть сыном Карамзина-человека, по сердцу, по характеру, по нравам почтенного, прекрасного! Все это восхищает душу! Тут судьба не слепа, а выбирает Провиденье» [23. С. 215]. Интересно, что в своем эмоциональном порыве Елагина обращается к такой значимой для Карамзина и Жуковского категории, как «Провидение». Как известно, «доверенность к Провидению» – это одна из важных для Карамзина словесных формул [10. С. 601; 24], зафиксировавшая ключевое основание его мировоззрения. Знаково в этом смысле замечание Жуковского в письме к П.А. Вяземскому: «Спроси у Карамзина, он тебе растолкует, что такое Провидение. В иные минуты можно бы было и мне этот вопрос сделать, и я бы умел на него отвечать» [10. С. 423]. Доверенность Провидению была свойственна и Жуковскому, который, например, еще 11 августа 1801 г., цитируя Карамзина, утешает И.П. Тургенева: «Как бы то ни было, доверенность к Провидению! как говорит Карамзин и как должен говорить всякий добрый человек. Если есть Бог, то есть и душа, вечная, бессмертная. А как не быть Богу!» [10. С. 16]. А.П. Елагина же, как человек очень близкий Жуковскому, использует, возможно, не осознанно в эпистолярном общении с поэтом значимые для него слова. Известно, что слухи о женитьбе Жуковского на С.Н. Карамзиной возобновляются в 1831 г. О.С. Пушкина так их комментирует: «Что до Жуковского и м-ль Карамзиной и их свадьбы – это в самом прямом смысле история 1815 г. <...> Ничего нет более ложного, за тысячу лет, чем эта пресловутая свадьба» [25. С. 63]. Замуж С.Н. Карамзина так и не вышла, а с Жуковским сохранила дружеские отношения на всю жизнь [25. С. 65]. Тема поиска невесты для Жуковского в шуточном контексте возникает и безотносительно к С.Н. Карамзиной: в письме поэту от 1 ноября 1817 г. Карамзин пишет: «Все вас обнимаем, любезнейший; но за *невесту* не отвечаем; впрочем, ищем, ищем! М-ле Левенштерн у нас пила чай; и об вас говорили: бьется ли сердце?» [16. Стб. 1830–1831].

В апреле 1820 г. Жуковский и Карамзин вместе с А.И. Тургеневым и П.Я. Чадаевым выступают в защиту Пушкина [12. С. 286–287, 290]. Жуковский частый гость у Карамзиных до и после своего загранич-

ного путешествия, он, как и Карамзины, царскосельский житель летом 1822 г., о чем писатель сообщает П.А. Вяземскому: «Жуковский хочет тоже быть царскосельским жителем до глубокой осени. Я с удовольствием слушал его перевод Энеиды» [21. С. 133]. Вместе они присутствуют на торжественном заседании Академии наук в январе 1823 г. [12. С. 345]. Карамзину Жуковский доверяется во время своей размовки с А.И. Тургеневым, чем последний остался очень недоволен: «Жуковский дурно сделал, что и Карамзину предлагал себя и меня на суд» [22. Т. II. С. 358]. Именно к Карамзину Жуковский приходит в исторический день 14 декабря 1825 г. [1. С. 211].

Карамзин и Жуковский часто встречаются и в последние годы жизни писателя как в Петербурге, так и в Царском Селе. По этому поводу последний пишет 2 сентября 1825 г. И.И. Дмитриеву: «Педагога Жуковского, доброго, милого по-прежнему вижу часто; но поэт Жуковский, кажется, спит до поры до времени» [12. С. 166]. Жуковский – автор рескрипта Николая I о выплате Карамзину пенсионера в размере пятидесяти тысяч рублей в год. В своих дневниках 9 мая 1826 г. он делает запись: «Отдал Государю письмо о Карамзине» [6. С. 246]. Последняя встреча Жуковского с Карамзиным происходит 11 мая 1826 г., в день отъезда поэта из Петербурга, о чем он также пишет в своем дневнике: «Поутру у Карамзина» [6. С. 246]. В нем также поэт фиксирует свои переживания о здоровье своего друга и наставника, которые обуревают его в пути: «Удивительный вид на Ораниенбаум. Сколько перемен в нем с тех пор, как я в нем был в последний раз. Прекрасный петергофский праздник; Александр в полном цвете жизни; Елизавета; Карамзин, здоровый, веселый. Теперь два во гробе. Карамзин едва ли воскреснет. Я на море. Погода ясная. Но не предвещает ли это бури?» [6. С. 246]. Здесь Жуковский вспоминает о празднике 1818 г., о котором Карамзин так рассказывал И.И. Дмитриеву: «Мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подальше» [12. С. 244]. О смерти Карамзина Жуковский узнает из газет, по поводу чего пеняет А.И. Тургеневу: «Не умею изъяснить твоего молчания и не могу никак с ним помириться! Ни ты, ни Вяземский не вспомнили обо мне в минуту несчастья! <...> Вообрази мое положение: узнать из газет, что Карамзина нет на свете <...> Большая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия <...> Карамзин – в этом имени было и будет все, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного» [26. С. 324].

Жуковский навсегда сохранил любовь в сердце к своим «бесценным Карамзиным» [27. Стб. 645]. После смерти Н.М. Карамзина он не оставляет его семью, продолжает хранить и оберегать память о нем. Показательно в этом смысле письмо Е.А. Карамзиной И.И. Дмитриеву от 8 мая 1828 г.: «Собираюсь на прежнее пепелище в Китайский домик Царского Села, данный мне по милости любезного, всегда одинако нас любящего Жуковского» [12. С. 430]. Жуковский следит за тем, что пишут о Карамзине в печати [28. С. 300], публикует статью «О древней и новой России», хлопочет вместе с П.А. Вяземским о сохранении

карамзинского эпистолярия, в частности, хранившегося у И.И. Дмитриева [29]. В 1835 г. поэт переводит и публикует письмо Карамзина к графу И.А. Каподистрия, прилагает к нему воспоминания о последнем периоде его жизни, замечая при этом, что для него «было наслаждением особенного рода выражать мысли Карамзина на том языке, который был им создан и которого еще никому не удалось перенять у него» [30. С. 6]. И.И. Дмитриев, выражая благодарность Жуковскому за эту публикацию, пишет: «Не мудрено вам так верно постигать и изображать нашего незабвенного: вы сами во многом на него похожи» [31. Стб. 1695–1696]. В другом своем письме Дмитриев добавляет: «Мне кажется, одни только вы могли бы составить совестливую и полную его биографию» [8. С. 316]. По этому поводу в ответном письме Жуковский замечает: «Посмотрю, буду ли уметь написать ее (биографию Карамзина. – Т.Ф.) <...> Когда поселюсь в уединении <...> тогда примусь, может быть, за это святое дело, которое будет если не собственно моею исповедью, то, по крайней мере, исповедью того, что было в моей жизни лучшего» [32. Стб. 1639–1640]. В 1849 г. П.А. Вяземский вновь обращается с просьбой к Жуковскому: «Напиши воспоминания свои о Карамзине. В эту раму можешь внести и его, и себя, и собратий современника, и душу свою, и взгляд свой на все и на всех <...> это будет живой памятник и ему, и тебе. Тут можешь говорить о нем, о себе, о России, о целом мире и прочем» [33]. За биографию Карамзина Жуковский так и не принимается, он, как и многие друзья и знакомые Карамзина, помогает Погодину в сборе материалов [28. С. 307–310]. В апреле 1841 г. перед своим отъездом за границу Жуковский посещает могилу Карамзина в Александро-Невской лавре [13. С. 256]. Символично, что прах В.А. Жуковского был захоронен рядом с прахом его учителя и друга спустя двадцать шесть лет.

Сохранилось 14 писем Карамзина к Жуковскому, написанных в период с 1804 г. до февраля 1807 г., в июне 1811 г., июле 1813 г. и с августа 1816 г. по март 1818 г. [16; 19; 34; 35], и одно письмо Жуковского Карамзину от 8 ноября 1817 г. [10. С. 555–556]. Несмотря на то, что переписка дошла до настоящего времени в таком ограниченном объеме, она все же дает представление о степени близости писателя и поэта, пересечениях их частной и общественной жизни, творческом взаимодействии. Письма отражают схожесть их человеческой природы, являются «единым пространством диалога душ» [36. С. 206]. В письмах Карамзин ласков с любезным Василием Андреевичем, он часто напоминает ему о большой степени своей дружеской привязанности, особенно ценит доброту поэта: «Любезнейший поэт! <...> Мы любим, чтобы нас любили, а особливо хорошие люди, такие как Ваше Превосходительство» [16. Стб. 1830–1831]; обращается к нему «добрый и мне милый человек!» [16. Стб. 1832–1833]. Дружеский эпистолярный содержит свидетельства доброй иронии Карамзина по отношению к Жуковскому, которая подчеркивает близость и сердечность их отношений. Так, П.А. Вяземский в письме к поэту в 1823 г. ссылается на слова

Карамзина: «Согласен с тобою и даже охотно забываю суждение Карамзина о тебе, что он ни малейшей доверенности не имеет ко мнениям твоим насчет ума и чести людей» [37. С. 185]. Сам Карамзин, подсмеиваясь над поэтом, в письме к тому же Вяземскому от 13 июня 1824 г. пишет: «Жуковский занимается не только грамматикою, но и азбукою, которая есть начало премудрости. Знаете ли, что я часто воображаю его в французском кафтане, в парике, с кошельком, с лентой через плечо? Это будет в 1862 г., не ранее, как надеюсь» [21. С. 154]. Атмосферу взаимоотношений всех троих передает фрагмент более раннего (от 11 декабря 1818 г.) карамзинского письма все к тому же адресату: «Жуковский смеется, и вы смеетесь, и я готов смеяться; а между тем мы все трое любим сердечно друг друга» [21. С. 68].

Не нуждается в доказательстве тот факт, что для Жуковского Карамзин был культовой личностью, его поэт воспринимал как учителя, считал образцом человека в самом объемном смысле этого слова. Жуковский не устает об этом писать их общим друзьям, А.И. Тургеневу и П.А. Вяземскому: «Милый, единственный Карамзин, образец прекраснейшего человека» [10. С. 314]; «Сказать “Карамзин” значит сказать “Свет прекрасен!” – ибо в нем есть Карамзины, ибо в этом свете можно любить Карамзина и желать быть ему подобным» [10. С. 423]; «Любовь его есть счастье. И для меня она также нужна, как счастье» [10. С. 503].

Слова Карамзина, его поступки органично вписываются в жизненную философию Жуковского, являются неотъемлемой частью его поведенческого дискурса, его евангелием, опорой в непростые периоды жизни. Одним из ярких примеров этого является письмо поэта к А.П. Елагиной от 17 декабря 1815 г., которое он пишет в сложный для себя момент, переживая недовольство служебной ситуацией и новость о планируемом замужестве М.А. Протасовой [23. С. 144]. Карамзин, его стойкость, его слова становятся ярким фонарем², озаряющим жизнь Жуковского, который, цитируя отрывок из письма писателя, потерявшего дочь³, восклицает: «Эти строки возвышают душу и дают ей большую твердость и ясность. Карамзин в минуту горести и самой тяжелой, в минуту сокрушения о дочери, говорит, что он понимает жизнь. Всякий учитель несчастье! Не страсти, а несчастья разрабатывают душу! Внутреннее побуждение и чувство – вот тайна жизни! Тайна, известная только двум: действующей душе и свидетелю ее, Богу!» [23. С. 146]. Степень влияния карамзинских ценностей на мировоззрение Жуковского позволяет оценить также фраза последнего из письма к А.И. Тургеневу от середины июня 1816 г., в котором поэт вновь возвращается к размышлению Карамзина о роли Провидения, называя его своим евангелистом: «Мне здесь хлопотать будет довольно, но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то есть Карамзина, думать только о том, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидения: ибо все прочее принадлежит ему так же неограниченно, как наша воля, способная со-

вершенствоваться, принадлежит нам» [10. С. 890]. Близость мировоззрения в части веры в провидение и важности его уроков отражается и в письме Жуковского к самому Карамзину. Так, поэт, сообщая новость о кончине Митеньки Вяземского, пишет: «Эта горестная потеря подтверждает наши всегдашние мысли о жизни. Кто скажет: счастье цель ее, тот ничего не скажет, а только смутит настоящее понятие о жизни. Действие нравственное, сколько можно чистое, вот цель! <...> Это был урок без слов, и нельзя было его сильно не почувствовать. Меня он поразил, и я не могу не сообщить Вам этого впечатления» [10. С. 555].

Словами Карамзина Жуковский «разговаривает» с А.П. Елагиной и в письме от 19 февраля 1816 г., подчеркивая близость их с ним жизненных установок: «Как прекрасно сказал недавно Карамзин (который теперь здесь), и он только выразил ясными словами то, что я чувствовал ясно: *нам должно думать не о совершенстве действий, а о совершенстве одной воли! Действия от нас не зависят, но воля есть человек! Это совершенная правда!*» [23. С. 164]. Мировоззренческие максимы, лежащие в основе карамзинского самостоянья, актуализируются в дискурсе и поведении Жуковского в критические для него минуты, они помогают поэту, говоря словами Карамзина, «разрабатывать душу»: «Карамзин, говоря о вере, сказал, что мы не можем себе доказать бессмертия и существования Бога! но доказательства и не нужны! Здесь разум не действует! Кто *почувствовал* Бога и бессмертия, тот никогда не перестанет *верить*. То же мне можно сказать и о добре! Пожелав в *сердце* добра, никогда не потеряешь этого желания, что бы потом не случилось, какие бы мысли ни забрели в голову – сторож хорошего есть воспоминание о хорошем» [23. С. 164]. Карамзин, его образ, воспринимается Жуковским как верификатор достойного поведения и верного образа мыслей, он пишет об этом А.И. Тургеневу в письме от 8 ноября 1817 г.: «Мое все хорошо, и я радуюсь своей участью, ибо на душе легко, и мне весело находить в этой душе одни только теплые, бескорыстные желания и намерения, достойные тебя, Карамзина и “Арзамаса”» [10. С. 556]. Голос Карамзина слышится и в рассуждениях Жуковского об истории и проблемах просвещения. Так, в письме к С.С. Уварову от 15 июля 1813 г. Жуковский пишет, очевидно, согласуя свои размышления с размышлениями автора статьи «О любви к отчеству и народной гордости» [10. С. 724]: «Я бы разделил преподавание оной (истории. – Т.Ф.) на два курса: один моральный, другой политический. Первый начинался и кончился бы в народном училище; другой начинался бы в гимназии, а кончился бы в университете» [10. С. 170]. О многом говорит и тот факт, что Жуковский использует в качестве учебного материала на занятиях со своей царствующей ученицей «Письма русского путешественника» Карамзина [26. С. 10]. Слова своего евангелиста Жуковский повторяет и после его кончины, примером может служить письмо к А.И. Тургеневу 1844 г., в котором, размышляя о счастье семейном, пишет: «Земное счастье живет только в семействе –

это правда; но я часто вспоминаю Карамзина; он, счастливый муж и отец, никому не советовал брать на себя крест семейной жизни. В минуты тревог, каких ни в каком другом состоянии не бывает, я бываю готов с ним согласиться» [38. С. 307].

«Карамзин и Жуковский: в последнем отразилась жизнь первого, равно как в Лермонтове отразился Пушкин» [7. С. 194]. Это утверждение П.А. Вяземского одинаково справедливо по отношению к творческой, общественной и частной жизни как Жуковского, так и Карамзина. Так, Ф.Ф. Вигель в своих записках замечает, что «Жуковский, также, как и Карамзин, чуждался всякой чернильной брани» [7. С. 165]. Поэт, в ответе П.А. Вяземскому косвенно цитируя Карамзина, формулирует их общую позицию: «Наш Ник<олай> Мих<михайлович> в этом случае поступает как истинный автор, достойный своего почтенного звания, он не думает о враньях, пишет и отвечает новыми прекрасными произведениями <...> Я положил себе за правило не принадлежать ни к какой партии, ни мешаться ни в какие распри <...>, довольствуясь одним наслаждением труда, ожидая без всякого беспокойства заслуженной награды» [10. С. 146]. По поводу полемики, разгоревшейся вокруг «Липецких вод», Жуковский писал А.П. Елагиной: «Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше бы, когда бы и все молчали» [10. С. 414]. Карамзин, как известно, поддерживает его в этом, он пишет А.И. Тургеневу: «Пусть Жуковский отвечает только новыми прекрасными стихами: Шаховской за ним не угонится» [20. С. 469]. На преемственность принципов, лежащих в основе жизненной философии Карамзина, сам Жуковский указывает в письме к нему самому: «Цель моя – быть в ладу с самим собою; постараюсь, до нее достигнув, от нее не удаляться. Вы уже меня благословили на все доброе: постараюсь не изменить благословиению бесценного друга» [10. С. 556]. Писатель и поэт известны своей филантропической деятельностью. В письме к Дмитриеву Жуковский так характеризует суть своего душевного сродства с Карамзиным: «В душе у меня есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиньим*: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего <...> Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему. Во мне живо желание произвести что-нибудь такое, чтобы осталось бы памятником доброй жизни» [10. С. 469].

П.А. Вяземский, комментируя публикацию писем Жуковского к великому князю Константину Николаевичу, пишет: «Скажем и мы: дай Бог для блага России поболее таковых царедворцев, каковы были Карамзин и Жуковский» [39. Стб. 1387]. Оба они являются замечательными примерами взаимодействия творческой личности с властью, при этом очевидна связь, преемственность типов поведения, отразившихся, в частности, в переписке обоих с членами царствующего дома, в той просветительской программе, проводниками которой они оба являлись. Безусловно, «роль, которую Карамзин сыграл как историк и идеолог в александровскую эпоху, вполне сопоставима с ролью Жуковского в николаевское царствование» [40. С. 47]. Так, Карамзин в личных письмах монаршему семей-

ству формирует особый поведенческий текст монарха и гражданина [41], который не мог не отразиться и в имперском тексте Жуковского [42].

В заключение нельзя не сказать о том, что очарованный Карамзиным Жуковский многим способствовал созданию и поддержанию карамзинского мифа. Еще во времена «Арзамаса» – во многом благодаря ему – автору формулы «Карамзин – лучший из людей» [43. 1. С. 562]) – образ писателя стал своеобразной эмблемой арзамасского общества, а сакрализация Карамзина – фактом арзамасского игрового поведения. Для Жуковского же Карамзин всегда был сакральной фигурой, это особенно ярко проявилось в эпистолярной поэме периода болезни и сразу после смерти его друга и в конечном итоге в 1831 г. нашло воплощение в уже упомянутой емкой поэтической формуле: «Святое имя: Карамзин». Весной 1826 г. Жуковский повторяет: «Сохрани его Провидение. <...> Его жизнь лучшее укрепление нашего света: без нее он самым горестным образом обнажится и кости скелета слишком явно скажутся» [26. С. 301–302]. Получив известие о кончине Карамзина, в своих письмах поэт очень емко определит, кем писатель был для него: «Об нем могу думать, как об ангеле, которого только лицо для меня закрылось <...> Он

был другом-отцом в жизни! он будет тем же и по смерти <...> Воспоминание об нем есть религия <...> Он жив, как вера в Бога, как добродетель» [26. С. 324–325]; Карамзин для Жуковского – «друг, хранитель, наставник, пример всего доброго, ободритель для всего прекрасного» [26. С. 327], «все, что есть на земле чистого, высокого, добродетельного, все он!» [26. С. 337]. В письме императрице Александре Федоровне Жуковский восклицает: «На земле еще одним ангелом меньше! да! ангелом! Это настоящее его название. Никогда еще существо более чистое не украшало мир!» [26. С. 319], чуть ранее в письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне, говоря о могиле Карамзина, поэт написал: «Благословенно место, где покоится прах его! Оно будет святынею для отечества» [26. С. 314]. Последнее замечание, как и упоминание в этом же письме почивших Александра I и императрицы Елизаветы, показательны: любя Карамзина как друга-отца, Жуковский прекрасно осознавал историческую и культурную значимость личности, подобной ему. Идеализируя Карамзина, поэт конструирует его образ в соответствии с собственной педагогической и просветительской программой⁴, выводя на передний план особо значимые для него самого этические личностные качества.

Примечания

¹ Глинка Григорий Андреевич (1776–1818) – филолог, прозаик, поэт, переводчик, кавалер великих князей Николая и Михаила Павловичей.

² Фонарь – один из значимых для В.А. Жуковского философско-поэтических символов. См. об этом: [23. С. 634].

³ Речь идет о цитате из письма Н.М. Карамзина от 17 ноября 1815 г. [11. Ч. II. С. 131–132].

⁴ О факте наставничества Жуковского с опорой на пример Карамзина см.: [3].

Список источников

1. Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1978. С. 190–215.
2. Канунова Ф.З. Карамзин в историко-литературной концепции В.А. Жуковского (1826–1827 гг.) // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 337–346.
3. Степанищева Т.Н. К проблеме литературного наставничества: Карамзин – Жуковский – Пушкин // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. Вып. 2. С. 79–90.
4. Коропова М.А. Карамзин и Жуковский. История литературных отношений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
5. Глаголева О.Е. «Кто ж родные?» Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2010. Вып. 1. С. 126–148.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.
8. Дмитриев И.И. Сочинения : в 2 т. Т. 2: Проза. Письма. СПб. : Изд. Евг. Евдокимова, 1893. 338 с.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. М. : Языки русской культуры, 2000. 840 с.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 15: Письма 1795–1817-х гг. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. 1088 с.
11. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии / с примеч. и объяснениями М. Погодина. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1866. Ч. I–II.
12. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб. : В Тип. Императорской Академии наук, 1866. 709 с.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847-х гг. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
14. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 43.
15. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 117.
16. Письма Н.М. Карамзина к Жуковскому // Российский архив. 1868. Вып. 7–12. Стлб. 1828–1836.
17. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. 240 с.
18. Сапченко Л.А. Неопубликованное письмо Н.М. Карамзина к Е.А. Протасовой (урожденной Буниной) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23 (79–1). С. 141–145.
19. Два письма Н.М. Карамзина к В.А. Жуковскому в Дерпт // Русский архив. 1869. Вып. 7–12. Стлб. 1383–1386.
20. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806–1826) // Русская старина. 1899. Т. XXVII. Вып. 2. С. 463–480.
21. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. СПб., 1987. 204 с.
22. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. I–II.
23. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подг. текста и коммент. Э.М. Жиликовой. М. : Знак, 2009. 728 с.
24. Сапченко Л.А. «Мир совести и доверенность к проведению» в альбомах Н.М. Карамзина // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 72–82.
25. Дневник сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлицевой в письмах к мужу и отцу / сост. М.А. Александров. СПб., 2016. 314 с.

26. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 16: Дневники. Письма 1818–1827 гг. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. 1152 с.
27. Письмо Жуковского к графу М.Ю. Виельгорскому // Русский архив. 1869. Вып. 1–6. Стлб. 644–648.
28. Письма М.П. Погодина к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1899. Вып. 9–12. С. 300–310.
29. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 б. Л. 48.
30. Карамзин Н.М. Письмо к графу Каподистрия / пер. В.А. Жуковского // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. Отд. 2. С. 1–13. Январь. С. 11–12.
31. Из бумаг В.А. Жуковского // Русский архив. 1870. Вып. 7–12. Стлб. 1682–1723.
32. Письма разных лиц к И.И. Дмитриеву // Русский архив. 1866. Вып. 7–12. Стлб. 1616–1730.
33. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 122 об. 121.
34. Из бумаг В.А. Жуковского. Письма Н.М. Карамзина // Русский архив. 1869. Вып. 8–9. Стлб. 1682–1689.
35. Неизданные письма Карамзина и Жуковского // Голос минувшего. 1919. № 3. С. 39.
36. Кожевникова А.Г. Письма Н.М. Карамзина к В.А. Жуковскому: обзорный комментарий // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VI (XX) Междунар. конф. молодых ученых, г. Томск, 18–19 апреля 2019 г. Томск : Изд-во STT, 2020. С. 204–206.
37. Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. Вып. 1–4. С. 181–208.
38. Письма В.А. Жуковского Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.
39. Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу // Русский архив. 1867. Вып. 7–12. Стлб. 1385–1439.
40. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский : исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та. Вып. 2. С. 45–76.
41. Фрик Т.Б. «Как мы говорим с Богом и совестью, хочу поговорить с Вами»: переписка Н.М. Карамзина с членами царствующего дома // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 24–29.
42. Янушкевич А.С. Особенности имперского текста В.А. Жуковского: идеология и культуртрегерство // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 77–92.
43. Арзамас : сб. в 2 кн. М. : Худож. литература, 1994.

References

1. Kochetkova, N.D. (1987) Zhukovskiy i Karamzin [Zhukovsky and Karamzin]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 190–215.
2. Kanunova, F.Z. (1999) Karamzin v istoriko-literaturnoy kontseptsii V.A. Zhukovskogo (1826–1827 gg.) [Karamzin in the historical and literary concept of V.A. Zhukovsky (1826–1827)]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek* [18th Century]. Vol. 21. Saint Petersburg: Nauka. pp. 337–346.
3. Stepanishcheva, T.N. (2000) [On the Problem of Literary Mentoring: Karamzin – Zhukovsky – Pushkin]. *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin Readings in Tartu]. Proceedings of the 2nd International Conference. Tartu: University of Tartu. pp. 79–90. (In Russian).
4. Koropova, M.A. (2003) *Karamzin i Zhukovskiy. Istoriya literaturnykh otnosheniy* [Karamzin and Zhukovsky. History of literary relations]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Glagoleva, O.E. (2010) “Kto zh rodnye?” Rol' sem'i Protasovykh v zhizni i tvorchestve V.A. Zhukovskogo i N.M. Karamzina [“Who are the relatives?” The role of the Protasov family in the life and work of V.A. Zhukovsky and N.M. Karamzin]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–148.
6. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Yanushkevich, A.S. & Lebedeva, O.B. (eds) (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Nauka; Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
8. Dmitriev, I.I. (1893) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izd. Evg. Evdokimova.
9. Zhukovskiy, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 15. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
11. Pogodin, M.P. (ed.) (1866) *Nikolay Mikhailovich Karamzin, po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlya biografii* [Nikolai Mikhailovich Karamzin, according to his writings, letters and reviews of contemporaries. Materials for the biography]. Parts 1–2. Moscow: Tip. A.I. Mamontova.
12. Grot, Ya. & Pekar'skiy, P. (eds) (1866) *Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters from N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. Saint Petersburg: IAS.
13. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No. 20. File 43. (In Russian).
15. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No 21. File 117. (In Russian).
16. Rossiyskiy arkhiv. (1868) Pis'ma N.M. Karamzina k Zhukovskomu [Letters from N.M. Karamzin to Zhukovsky]. *Rossiyskiy arkhiv*. 7–12. Columns 1828–1836.
17. Karamzin, N.M. (1862) *Neizdannye sochineniya i perepiska Nikolaya Mikhailovicha Karamzina* [Unpublished Works and Correspondence of Nikolai Mikhailovich Karamzin]. Part 1. Saint Petersburg: Tip. N. Tiblena i Komp.
18. Sapchenko, L.A. (2021) Neopublikovannoe pis'mo N.M. Karamzina k E.A. Protasovoy (urozhdennoy Buninoy) [Unpublished letter to N.M. Karamzin to E.A. Protasova (nee Bunina)]. *Izvestiya Samar'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 23 (79–1). pp. 141–145.
19. Russkiy arkhiv. (1869) Dva pis'ma N.M. Karamzina k V.A. Zhukovskomu v Derpt [Two letters to N.M. Karamzin to V.A. Zhukovsky in Dorpat]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1383–1386.
20. Russkaya starina. (1899) Pis'ma N.M. Karamzina k A.I. Turgenevu (1806–1826) [Letters from N.M. Karamzin to A.I. Turgenev (1806–1826)]. *Russkaya starina*. 2 (97). pp. 463–480.
21. Barsukov, N.P. (ed.) (1897) *Pis'ma N.M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu* [Letters from N.M. Karamzin to Prince P.A. Vyazemsky]. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
22. Saitov, V.I. (ed.) (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafiev Archive of Princes Vyazemsky]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
23. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy: 1813–1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znak.
24. Sapchenko, L.A. (2008) “Mir sovesti i doverennost' k provedeniyu” v al'bomakh N.M. Karamzina [The World of Conscience and Power of Attorney for Carrying Out in the albums of N.M. Karamzin]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 8. pp. 72–82.
25. Aleksandrov, M.A. (ed.) (2016) *Dnevnik sestry Pushkina Ol'gi Sergeevny Pavlishchevoy v pis'makh k muzhu i otsu* [Diary of Pushkin's Sister Olga Sergeevna Pavlishcheva in Letters to Her Husband and Father]. Saint Petersburg: Pushkinskiy fond.
26. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 16. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

27. Russkiy arkhiv. (1869) Pis'mo Zhukovskogo k grafu M.Yu. Viel'gorskomu [Zhukovsky's letter to Count M.Yu. Vielgorsky]. *Russkiy arkhiv*. 1–6. Columns 644–648.
28. Russkiy arkhiv. (1899) Pis'ma M.P. Pogodina k V.A. Zhukovskomu [Letters from M.P. Pogodin to V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 9–12. pp. 300–310.
29. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. No 1909 b. File 48. (In Russian).
30. Karamzin, N.M. (1835) Pis'mo k grafu Kapodistriya. Per. V.A. Zhukovskogo [Letter to Count Kapodistrias. Translated by V.A. Zhukovsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 5. Section 2. pp. 1–13. Yanvar'. pp. 11–12.
31. Russkiy arkhiv. (1870) Iz bumag V.A. Zhukovskogo [From the papers of V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1682–1723.
32. Russkiy arkhiv. (1866) Pis'ma raznykh lits k I.I. Dmitrievu [Letters from various persons to I.I. Dmitriev]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1616–1730.
33. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No 20. File 122. Rev. 121.
34. Russkiy arkhiv. (1869) Iz bumag V.A. Zhukovskogo. Pis'ma N.M. Karamzina [From the papers of V.A. Zhukovsky. Letters to N.M. Karamzin]. *Russkiy arkhiv*. 8–9. Columns 1682–1689.
35. Golos minuvshogo. (1919) Neizdannye pis'ma Karamzina i Zhukovskogo [Unpublished letters of Karamzin and Zhukovsky]. *Golos minuvshogo*. 3. P. 39.
36. Kozhevnikova, A.G. (2020) [N.M. Karamzin's letters to V.A. Zhukovsky: review comment]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 6th (20th) International Conference. Tomsk. 18–19 April 2019. Tomsk: STT. pp. 204–206. (In Russian).
37. Russkiy arkhiv. (1900) Iz pisem knyazya Vyazemskogo k Zhukovskomu [From the letters of Prince Vyazemsky to Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 1–4. pp. 181–208.
38. Russkiy arkhiv. (1895) Pis'ma V.A. Zhukovskogo Aleksandru Ivanovichu Turgenevu [Letters of V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Russkiy arkhiv.
39. Russkiy arkhiv. (1867) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu Velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu [Letters of V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Russkiy arkhiv*. 7–12. Columns 1385–1439.
40. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters to V.A. Zhukovsky to royalty as a phenomenon of Russian verbal culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Researches and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
41. Frik, T.B. (2012) N.M. Karamzin's correspondence with members of the Royal Family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 24–29. (In Russian).
42. Yanushkevich, A.S. (2017) Features of V.A. Zhukovsky's imperial text: ideology and cultural enlightenment. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 7. pp. 77–92. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/7/5
43. Vatsuro, V.E. & Ospovat, A.L. (eds) (1994) *Arzamas*. Moscow: Khudozh. literatura. (In Russian).

Информация об авторе:

Фрик Т.Б. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: tfrik@tpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.B. Frik, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.12.2021;
одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 19.12.2021;
approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 28.10.2022.*